

КОНЦЕПТ «РУССКАЯ ВЛАСТЬ»: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

А.В. Лубский

Южный федеральный университет

В конце 90-х гг. прошлого века появились работы В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, посвященные «Русской власти» и «Русской системе», которые, как считают сами авторы, помогают лучше понимать, объяснять и более адекватно реконструировать исторический путь России; специфику государственной власти; национальный менталитет; особенности российских реформ, в том числе и в эпоху постиндустриального прорыва, а также причины нынешнего возвращения к «Русской системе» и в целом повторяемости такого явления в политической истории России¹.

В этих работах авторы предложили новые трактовки концепта Русской власти как метафорического понимания и теоретического обоснования русского пути и места России в современном мире. Выступая в Центре политической концептологии Южного федерального университета в мае 2009 г., Ю.С. Пивоваров этот путь образно представил так: «Когда приезжаешь в Россию из Китая, чувствуешь, что она движется на Запад, когда приезжаешь в Россию из Европы, понимаешь, что Россия – далеко не Запад».

В отечественном интеллектуальном дискурсе метафора пути имеет два особых значения. Первое связано со «склонностью русских к духовному странничеству, которое свидетельствует об их постоянной потребности в самоидентификации, в поисках правды и справедливости, а также своего места в меняющемся мире»². Другое значение метафоры «путь» связано с духовными практиками интеллектуалов, отправившихся в «путешествие за истиной».

Новое «путешествие за истиной» в России началось в конце XX в., когда стало ясно, что ее «демократический транзит» закончился неудачей и очередная попытка России стать Европой провалилась. Государству не удалось побороть

¹ Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. Фурсов А., Пивоваров Ю. Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4.

² Тиме Г.А. Путешествие из Петербурга в Москву с остановкой в Берлине (Пути самоидентификации России в XX веке) // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 17.

ни «русский ген», ни выйти из «тени Грозного царя», ни освободится от пут «раздаточной экономики», ни выбраться из «российской колеи»³. Все это и побудило рефлексирующее сознание интеллектуалов к поиску причин неудач реформирования России сверху, в том числе и через осмысление ее особого пути развития.

Такое осмысление заставляет постоянно прибегать в интеллектуальном дискурсе к различного рода концептам, представляющим собой теоретические конструкты, наполненные ценностным содержанием. В структуре таких концептов всегда присутствуют ассоциативные компоненты, выраженные в форме образно-метафорических коннотаций. Эти компоненты играют очень важную познавательную роль, поскольку дают емкие представления, позволяющие в целом «схватывать» внутреннюю суть явлений. Кроме того, метафоры обычно становятся основой концептуализации исходного знания эмпирического, теоретического и аксиологического содержания.

В структуру такого рода концептов включаются также слова с повышенной эвристической нагрузкой. Так, в концепте «Русская система» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, как отмечает Г.И. Зверева, прилагательное «русский», будучи приложенным к социологическим универсалиям «система», «власть», «популяция», должно, по замыслу авторов, их качественно преобразовывать в новые понятия (не западные). В построениях неоевразийцев и традиционалистов-почвенников это прилагательное приобретает статус сакрального и наделяется сверхценными свойствами⁴.

Появление новых концептов-метафор в конце XX в. было обусловлено также тем, что в это время в социальных и гуманитарных науках актуализировалась проблема языка научного дискурса. Эта проблема была порождена осознанием того, что в отечественном социально-гуманитарном познании пока отсутствует научный язык, адекватный для описания, понимания и объяснения российской действительности, поскольку при ее изучении многие исследователи пользуются исключительно языком западной академической науки, который сформировался в другой когнитивной среде при изучении иных социокультурных реалий. Было забыто методологическое предостережение П. Фейерабенда, который писал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя „подогнать“ под западноевропейский способ мышления»⁵.

Возникновение проблемы языка научного дискурса объясняется тем, что в начале 90-х гг. прошлого века, на волне критики марксистской парадигмы науч-

³ Примечательно, что в конце XX в. появилось сразу несколько концептов, претендовавших в метафорической форме выразить специфику «пути России»: «Тень Грозного царя» А.Л. Янова, «Русский ген» В.Б. Пастухова, «Российская колея» А.А. Аузана, «Раздаточная экономика» О.Э. Бессоновой.

⁴ Зверева Г.И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсный анализ публикаций последних лет). URL: <http://www.situation.ru>

⁵ Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки // Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. – М.: Прогресс, 1986. С. 432.

ного познания обнаружился дефицит креативности среди отечественных ученых, связанный с разработкой новых способов научно-исследовательской деятельности. Многие отечественные ученые, отказавшись от марксистской парадигмы научного познания, обратились к западноевропейской интеллектуальной традиции, сотворив себе новых кумиров в лице представителей академической науки на Западе. Теоретические конструкты этой науки, их понятийный аппарат, стали широко использоваться в отечественных научных исследованиях, посвященных российской проблематике. Некоторые из этих конструктов превратились в интеллектуально-когнитивные моды. Отсюда в отечественных научных исследованиях началось, как отмечает Б. Капустин, «бесконечное топтание на парадигме модернизации-либерализации-демократизации-глобализации, которая в виде предельно радикальной критики допускает лишь теоретически маловразумительные рассуждения об „отклонениях“ от якобы универсальных принципов развития, попятных тенденциях авторитаризма или чем-то еще в этом духе»⁶.

Причины всего этого носят культурно-исторический характер и связаны они с особенностями стиля научного мышления многих российских ученых. Характеризуя этот стиль, Вс.Н. Иванов пишет: «Ни у одного народа мы не видим таких специфических особенностей научного и обычного восприятия, как видим это у нас, русских: мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием некритичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса»⁷.

Некритичность русского познавательного духа, обусловившая склонность российских ученых к познавательной подражательности и интеллектуальным модам, способствовала интеллектуальной стагнации социальных и гуманитарных наук в современной России. В связи с этим появление новых концептов-метафор в научном дискурсе конца XX в. можно рассматривать как попытку, с одной стороны, преодоления синдрома подражания, свойственного русской интеллектуальной мысли, с другой – разработки языка, адекватного для изучения российской действительности. Речь, разумеется, при этом идет не о претензиях на создание особой, национальной версии гуманитарных и социальных наук, а о поиске пути выхода из той интеллектуальной стагнации, куда их завела когнитивная подражательность.

Трактовки концепта Русской власти, предложенные В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым в качестве метафорического понимания и теоретического обоснования русского пути и места России в современном мире, также являются попытками разработки научного языка, понятийного и теорети-

⁶ Политическая теория. Беседа с Борисом Капустиним // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. – М.: Изд-во [Некоммерческий фонд «Наследие Евразии»](#), 2006. С. 60.

⁷ Иванов Вс. Н. Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. – СПб.: Изд-во НУ «Центр Стратегических Исследований», 2005. С. 15–16.

ческого аппарата, адекватного для изучения российской политической специфики.

В современной науке можно выделить системный и реляционистский подходы в трактовке политической власти. В рамках системного подхода власть рассматривается в качестве атрибута политической системы общества, раскрывающегося в способности власти поддерживать целостность общества, мобилизовывать его ресурсы, регулировать общественные отношения. В рамках этого подхода разработаны структурно-функциональная и мобилизационно-целевая теории политической власти. В русле реляционистского подхода, в котором власть трактуется как средство взаимодействия политических субъектов, созданы потенциально-волевая, инструментально-силовая, коммуникативная, обмена ресурсами и раздела зон влияния теории политической власти.

Методологический потенциал этих подходов и теорий (за исключением инструментально-силовой теории) оказался явно недостаточным при изучении российских политических реалий. В частности, В.П. Макаренко, предлагая свою трактовку концепта Русской власти, показывает наличие «мифических элементов» в трактовке власти как волевого отношения. Сам он при этом частично опирается на деятельностный подход, при котором власть рассматривается в качестве средства политического управления, включающего разнообразные ресурсы – от принуждения до убеждения. В рамках этого подхода разработаны такие теории политической власти, как авторитарно-властного господства и авторитетно-властного полномочия.

Работа В.П. Макаренко «Русская власть» посвящена теоретико-социологическим проблемам русской власти. В социологии власти основной вопрос – это вопрос о субъектах властных отношений. В концепте Русской власти В.П. Макаренко, основанном на идее «троевластия» присутствует только один субъект этих отношений – «властитель-собственник-жрец». Все остальные – «подданные, собственники, верноподданные» являются объектами этих отношений. Поэтому Русская власть у В.П. Макаренко выступает атрибутом «властителя-собственника-жреца», для всех остальных объектов властных отношений власть наполняется онтологическим смыслом: власть – это «неопределенная, вездесущая и дьявольская сила».

Таким образом, В.П. Макаренко разрабатывает концепт Русской власти в русле ее трактовки, с одной стороны, как авторитарно-властного господства (основа – концентрация власти и собственности в одних руках), а с другой – трактовки власти как социальной онтологии.

Следует обратить внимание на то, что трактовка власти как социальной онтологии уже получила дальнейшее развитие в отечественной литературе. В частности, некоторые исследователи, рассматривая пространство власти как пространство, где человек наделяется статусом, отмечают, что власть, соотносимая с высшей ценностью, задает основания аксиологической шкалы, структурирует общество, обеспечивает его «нерасчленимое единство». Для того чтобы

подобная структура могла сформироваться, по их мнению, необходимы три условия. Первое – это острая потребность в единстве при невозможности «естественного» объединения. Второе условие – наличие внешнего ресурса, значительно превосходящего местные, который власть может распределять, тем самым наделяя статусом подданного, чья способность осуществлять дальнейшее распределение зависит от объема распределенного в его пользу ресурса. Опираясь на этот ресурс (силовой, символический или хозяйственный), власть подавляет нежелательную активность низовых социальных групп и гармонизирует социальные отношения в подходящей для себя форме. Третье условие – дистанцированность власти. Чтобы легитимировать общество, полагают исследователи, власть должна быть сакральной («выведенной из зоны фамиллярного контакта», говоря словами М.М. Бахтина). «Легитимация власти из трансценденции задает смысловой контекст существования общества, напрямую связывая причастность к высшей ценности с причастностью к власти. Опирающаяся на „трансценденцию“ власть не нуждается в признании со стороны общества (все претензии – к „источнику легитимности“), ее основания и принципы не могут быть предметом переговоров. Это не тема для обсуждения, а контекст, позволяющий договориться о чем-либо, „объективные условия“, в рамках которых должен жить и действовать социальный субъект»⁸.

Трактовка концепта Русской власти была дана Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым в «Русской системе», в которой Власть, иерархия и подчинение были объявлены глубинной сутью России. Концептуальное содержание «Русской системы» состоит в следующем: Русский мир, – утверждают авторы, – властечцентричен. Власть становится условием существования всех и всего. Оформляется социальный порядок, который назвали Русской Системой.

Основу «Русской системы» составляет идея «насилия», включающая, с одной стороны, преимущественно принудительные социальные взаимодействия с постоянно присутствующей угрозой легитимированного государством насилия (побоев, ареста, конфискации имущества, лишения свободы, казни), а с другой – запечатленные в культуре символы и ценности «порядка» и «сильной руки», преобладание принуждения в установках сознания и поведения. Основные элементы «Русской системы» – это власть; популяция, то есть население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики, чья субъектность при нормальном функционировании власти отрицается по определению; «Лишний человек», который может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигенции в XIX – начале XX вв.), так и коллективным (казачество в XVII в.). При этом относительно «Лишнего человека» авторы подчеркивают, что речь идет о тех индивидуумах и группах, которые не «перемолоты» Властью, и потому не стали ни ее органом, ни частью популяции. Или же о людях, «выло-

⁸ Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или очерки об истоках ностальгического сознания // Полития. 2008. № 3. С. 7–29.

мившихся» из популяции и власти, нередко в результате ее же, власти, деятельности, целенаправленной или побочной.

«Русская система» предполагает такой тип взаимодействия перечисленных выше элементов, при котором единственно социально значимым субъектом оказывается власть. Если «Русская система» – это способ контроля Русской власти над Русской жизнью, то Лишний человек – мера незавершенности Системы, индикатор степени «неперемолотости» Русской жизни Системой и Властью. Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской системы и Русской власти, а с другой – Русской системы и Русской жизни и есть, – констатируют авторы, – русская история».

В концепции «Русской системы» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова Русской власти придается онтологический характер. Метафизическая природа Русской власти, как отмечают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, служит для них универсальным объяснением ее постоянного возрождения в России. Но поскольку метафизика оказывается малопригодной для объяснения периодических кризисов, сломов «Русской власти», то на помощь Ю.С. Пивоварову и А.И. Фурсову приходит, как подчеркивают авторы, метафора физикалистская: весь многовековой тренд трактуется ими как двойственный процесс «утолщения» слоя приближенных к власти лиц (боярство, опричнина, дворянство, разночинное чиновничество, советская номенклатура, организованная концентрическими кольцами умельчающихся партийных, советских и хозяйственных руководителей – «Властепопуляция»), с одной стороны, и «истончения» богатства (от боярских земель до советских пайков) – с другой⁹. По существу у Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова при рассмотрении причин сломов Русской власти речь идет о росте номенклатуры и истощении государственной «кормушки».

Сломы, смуты и последующие «переделы» Русской власти происходят, согласно Ю.С. Пивоварову и А.И.Фурсову, либо при излишней концентрации власти в каком-либо из привластных слоев, либо при чрезмерной ее распыленности.

Что общего и в чем состоят различия в трактовках концепта Русской власти В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова. Общим является то, что, во-первых, Русской власти придается метафизический характер, во-вторых, ее содержание подается в метафорической упаковке. Различия заключаются в следующем: в основе трактовки Русской власти В.П. Макаренко лежит идея «власти-собственности», а в основе трактовки Русской власти Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым – идея «насилия». Сравнивая трактовки концепта Русской власти этими исследователями следует обратить внимание также на то, что представления В.П. Макаренко больше тяготеют к взглядам на Россию как разновидность Восточной цивилизации в понимании Л.В. Васильева, а представле-

⁹ Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Политические исследования. 2007. № 3. С. 8–23.

ния Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова – к взглядам на Россию как особую цивилизацию.

Об этом свидетельствуют высказывания А.И. Фурсова, который спустя десять лет после публикации совместно с Ю.С. Пивоваровым «Русской системы» писал, что у русской власти «нет аналогов ни на Западе, ни на Востоке, это исключительно русский феномен. В то же время – и в этом один из главных парадоксов русской власти, одно из ее главных противоречий – она, во-первых, никогда не возникла бы на русской почве без взаимодействия с тенденциями и феноменами общеевразийского развития и, во-вторых, не получила бы своей завершенной формы вне капиталистической системы, без взаимодействия с тенденциями и феноменами общемирового развития. В связи с этим термин „русская власть“, который я буду использовать, отражает весьма сложную по содержанию и строению субстанцию, формировавшуюся как русский ответ на нерусские – евразийские и мировые – воздействия. Я буду называть эту власть „центроверхом“, чтобы не прибегать к таким терминам как „государство“, „патримония“ и т.п.»¹⁰.

Концепты Русской власти в трактовке В.П. Макаренко и особенно Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова получили широкий, в том числе и критический резонанс в научной среде. В связи с этим стоит остановиться на некоторых критических сюжетах, посвященных работам В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова. Критиками этих работ выступили в первую очередь либерально-ангажированные авторы, не смотря на то, что в концепции Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, как отмечает Г.И. Зверева, широко использовались элементы либеральной миросистемности¹¹.

Есть критика негативная, а есть и позитивная. Примером негативной критики, т. е. без попытки разобраться в сути концепции, является рецензия А.А. Мигалатьева на книгу В.П. Макаренко «Русская власть»¹². А.А. Мигалатьев – защитник гегелевской философии истории и сторонник либерализма – одного, как он сам пишет, из основных, ведущих течений современной общественной теории и политической практики, признающий универсальность либеральных ценностей прогресса, демократии и свободы, считает концепцию «Русской власти» В.П. Макаренко надуманной, в прокрустово ложе которой искусственно втискиваются сложнейшие социально-экономические, политические и духовные процессы в России.

Почему концепция В.П. Макаренко представляется А.А. Мигалатьеву «надуманной»? Потому что она, оказывается, не вписывается в стиль мышления А.А. Мигалатьева, основу которого составляет методология «однолинейного прогрессизма», суть которой состоит в представлении о том, что су-

¹⁰ Фурсов А. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480>

¹¹ Зверева Г.И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсный анализ публикаций последних лет). URL: <http://www.situation.ru>

¹² Социологические исследования. 2000. № 2. С. 47–50.

ществует лишь одна линия общественного прогресса, ориентиры которого задаются наиболее развитыми западными странами. Соответственно, в рамках такого стиля мышления запаздывающие общества типа России, идущие по линии этого прогресса, успешно могут быть описаны в понятиях модернизации, гражданского общества, правового государства, прав человека, либеральной демократии, разделения властей, политической власти как авторитетно-властного полномочия, и поэтому никакой другой понятийный аппарат для описания, понимания и объяснения российской действительности не нужен.

Другой критик В.А. Ковалев называет «Русскую систему» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова фантастическим вариантом¹³. Автор пишет, что российские обществоведы, в массе своей разочарованные результатами отечественных реформ последних полутора десятилетий, напряженно ищут ответа о причинах их неудачи. Сделать это, достичь теоретического прорыва, пребывая в состоянии ученичества у западных социальных наук, повторяя зады европейской и американской социологии и политологии, действительно трудно.

В связи с этим, отмечает В.А. Ковалев, понятен растущий спрос на самобытное теоретизирование, основанное на предположении о том, что мы очень серьезно отличаемся от Запада, и у нас свой порядок, который описывающие его авторы так просто и называют – «Русская система». «Практические выводы, которые я сделал из подобных представлений, сводились к фатальной безысходности произвола власть предержащих в России, при котором придется жить не только нам и нашим детям, но и внукам, правнукам. В переводе на житейский язык это значит, что Россия в рамках такой системы так и должна оставаться в состоянии перманентной холодной гражданской войны „верхов и низов“, со злоупотреблениями элиты, с нищетой населения, а правовое государство, либерализм и свободные выборы для нее не только недостижимы, но и противопоказаны в принципе».

Далее автор от критики «Русской системы» как концепции неожиданно переходит к критике современного российского государства как ее «последнему изданию». «В глазах общественного мнения, – пишет В.А. Ковалев, – российское государство выглядит неэффективным, некомпетентным, коррумпированным и все более пугающим. Соответственно все исходящие от такого государства инициативы воспринимаются с позиции презумпции его враждебности и чуждости обществу». Наш вывод – «дальнейшее существование такого государства несовместимо с перспективами России. Уже в среднесрочной перспективе выживание и развитие России и продолжение существования „Русской системы“ несовместимы». «Эта властно-центричная Система всегда была в нашей стране господином. В „Русской системе“ нет никакой мистики, чуда „вечного возвращения“ и т.п. Модернизация государства и экономики задержалась и принимает симулятивный характер, продолжают господствовать устаревшие,

¹³ Ковалев В.А. «Русская система»: фантастический вариант // Россия и современный мир. 2006. № 1(50). С. 40–60.

архаичные уже политические формы. По сути, это до сих пор не преодоленное наследие имперского прошлого. Русская система, с непреодоленными имперскими пережитками в отношении собственного населения всегда будет чревата Смутой. Так будет и дальше, до тех пор, пока в диалектике „господина и раба“ роль господина будет оставаться за чуждым населению государством – без всяких вариантов. Без появления в России демократического национального государства (в смысле гражданской нации) так и будет».

Тем самым В.А. Ковалев признает существование в России «Русской системы» как ее «господина». Почему же в связи с этим «Русская система» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова является фантастическим вариантом, остается загадкой.

Есть критика позитивная, признающая некоторые положения критикуемых концепций, но отрицающая их эвристический потенциал для понимания процессов, происходящих в социокультурной сфере современного российского общества и прогнозирования его будущего. В частности, Э.А. Паин, относит концепцию исторической инерции, которую Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов назвали «Русской системой», а А.Л. Аузан «Российской колеей», к теориям исторического фатализма, основу которых составляет идея культурного кода, неизменного, воспроизводимого при любых исторических обстоятельствах¹⁴.

«Я как этнограф по образованию и политический антрополог по роду деятельности, – пишет Э.А. Паин, – понимаю, не отрицаю существование неких явлений культуры, которые можно охарактеризовать как культурный код. Почему Салтыков-Щедрин, – вопрошает в связи с этим автор, – воспринимается как наш современник, почему мы наблюдаем повторяемость именно тех стереотипов поведения, которые так сильно препятствуют утверждению конституционного строя в России и переходу ее от власти авторитета к власти закона? Да потому, что сохраняются фундаментальные черты в российских условиях жизни, они и воспроизводят культурный код».

«Несущим каркасом этих условий, – считает Э.А. Паин, – является господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих. В какие-то времена эти „ножницы“ сжимались за счет прикрепления населения к территории, а в другие – прикреплением ее к государству и оскоплением социальных свойств человека, его гражданских качеств. Но одновременно происходил и рост безответственности государева человека: „Барин правит – пусть за все и отвечает. Барин думает, что он платит – пусть думает, что я служу. Барин имеет собственность – пусть он ее и охраняет“. Как торговала Россия сырьем при Петре – так и торгует, только вместо леса и пеньки продает лес и газ. Как сажали государи воевод и бояр на кормление – так и сажают. Воспроизводятся нравы города Глухова. Самое главное: как не было в России общества, способ-

¹⁴ Паин Э.А. Традиции и квазитрадиции: о природе российской «исторической колеи». URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/06/26/pain.html>

ного контролировать государство и воспринимать себя как основной элемент политической системы, так его и нет».

Однако, как утверждает Э.А. Паин, «российская система инерционна, но не традиционна. Поэтому у „Русской системы“, как инерционной системы, а не о *perpetuum mobile*, есть ресурс, который расходуется, исчерпывается. И это исчерпание уже заметно и будет нарастать, прежде всего социокультурной сфере. Поэтому я, – говорит Э.А. Паин, – выступаю против мистификации культурных кодов, поскольку, нет подтверждений распространенному мнению об их неизменности».

Этой идеи придерживается и И.М. Клямкин, который ссылается на результаты социологического исследования, проведенного по заказу одного из центров либеральных исследований. Убежденные сторонники «Русской системы» в таких ее проявлениях, как доминирование государства над личностью, патернализм и закрытость страны, по данным И.М. Клямкина, составляют менее 7% респондентов. Невелик и их резерв (22%), в котором сохраняется ориентация на два из трех названных признаков «русской системы». Между тем сторонники модернистской альтернативы «русской системе» (приоритет интересов личности, ее самостоятельность и ответственность за свою жизнь, открытость страны) составляют треть населения (33%) при несколько большем по численности резерве (37%). Почти все наши сограждане (96%) считают, что в стране сегодня царит произвол властей, причем свыше 50% полагают, что от него нет защиты. Более половины опрошенных (58%) убеждены в том, что власть в России держится сегодня прежде всего на круговой поруке чиновников, их коррумпированности, причем больше всего подобные настроения распространены в ядре «модернистов»: данную точку зрения разделяют почти две трети их представителей. «При таком отчуждении населения от государства последнее не может быть источником доверия, а становится главным источником недоверия»¹⁵.

Согласно этим данным получается: почти 20 лет реформ и власть вернулась в привычную колею. Однако И.М. Клямкин делает вывод о том, что «русское общество переросло „Русскую систему“ еще при коммунистическом режиме, что и стало главной причиной падения последнего и смены традиционных для страны способов легитимации власти. Есть все основания утверждать, продолжает И.М. Клямкин, что таких благоприятных условий для реализации либерально-модернистского проекта, какие существуют сегодня, в стране до сих пор не было. Проблема же в том, что до сих пор обществу не предложено самого такого проекта».

Что общего между либеральными критиками концепций «Русской власти» и «Русской системы»? Во-первых, критике подвергаются не их концептуальные основания, а современная российская государственность как их последнее воплощение. Во-вторых, это вывод критиков о том, что в условиях постиндустри-

¹⁵ Клямкин И.М. Модернистский проект в России // Неприкосновенный запас. 2003. №1(27)

ального развития система Русской власти обречена, поскольку ее ресурсы или исчерпаны, или недостаточны для постиндустриального прорыва. В-третьих, критики в большей мере стремятся быть идеологами, чем учеными, или, по крайней мере, политическими философами, которые стремятся поставить политическую реальность под свой контроль, и для которых эта реальность важна не сама по себе, а как предмет рассуждений о том, что в ней не так с точки зрения определенного идеала общественного развития.

Иной вид критики демонстрируют академически настроенные ученые. В частности, В.А. Дубовцев и Н.С. Розов считают, что авторы «Русской системы», а также их последователи стремились прежде всего понять природу русской власти и ответить на вопрос, почему «русский ген власти» после соединения с западными новшествами и краткого периода мутаций и гибридизации вновь проявляет свою твердую, неизменную природу и порождает структуры власти, сходные с прежними.

Однако «Русская система», «Русская власть» – это, как полагают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, не столько понятия, сколько метафоры, которые «нуждаются в рационализации, критическом осмыслении; даже доказав свою надежность, метафоры требуют концептуализации и эмпирической проверки. Легкость метафорической интерпретации хоть и способствует созданию ясного и зримого образа, но оставляет за скобками главный концептуальный вопрос: фатально ли возвращение и при каких условиях возможно поступательное продвижение без циклов и возвратов?». В связи с этим В.А. Дубовцев и Н.С. Розов предлагают использовать концепт «Русская власть» для понимания комплекса устойчивых и воспроизводящихся в российской политической истории свойств политических режимов. Речь идет о самодержавии (в разных формах: от великокняжеской до президентской), о стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, нетерпимости к существованию какой-либо оппозиции, привычке делать ставку на принуждение и насилие. Авторы предлагают также некоторые научные, на их взгляд, и эмпирически верифицируемые гипотезы, объясняющие историческую цикличность автократии в России.

В качестве такой гипотезы у них выступает идея «вертикального договора» и расширения российской субъектности.

В течение каждого относительно длительного периода стабильности (30–50 лет) те или иные социальные группы, как считают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, накапливают имущественный ресурс (капитал в широком смысле) и обретают способность к мобилизации и консолидации для отстаивания своих имущественных и иных прав, в той или иной форме претендуют на участие в принятии правовых и политических решений.

В понятиях «вертикального договора» это означает «претензии на превращение его в систему (режим) горизонтальных договоров как способ перераспределения ресурсов. Если верховная власть идентифицирует себя как абсо-

лутная автократия (самодержавие) и не готова к горизонтальным контрактам (которые всегда ее ограничивают), она предпринимает репрессивные действия против групп держателей ресурсов, привлекая для этого силовые структуры и низовые группы. В одних условиях (когда сами проводники этой политики – собственники) верховная власть расплачивается с низовыми союзниками долей экспроприированных ресурсов, и тогда рекурсивное повторение процесса ведет как раз к расширению „привластных“ слоев и дроблению собственности. В других – когда проводниками политики оказываются неимущие чиновники – власть концентрирует ресурсы (вплоть до полной национализации), расплачиваясь „распределением пайков“. В любом случае нахождение некоей приемлемой формы вертикального контракта открывает новый период стабильности, и цикл повторяется»¹⁶.

К такой трактовке концепта «Русская власть», которую предлагают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, можно добавить следующее. В рамках деятельностного подхода к пониманию «Русской власти» ее можно рассматривать как средство государственного управления. Одним из основных ресурсов этой власти, определяющих ее специфику, выступает «кормление». Как формальный институт «кормление» было отменено еще при Иване IV, но как неформальный институт оно, по мнению Т.С. Кондратьевой, постоянно реактуализируется в России, в том числе и современной¹⁷. Автор рассматривает «кормление» как функцию «Русской власти» в двояком смысле: 1) кормление в смысле «править и кормиться», 2) кормление в смысле «править и кормить».

Кормление как «править и кормиться» представляет собой неформальный политический институт. Кормление как «править и кормить» – это атрибут «Русской власти» как средства государственного управления. В связи с этим надо отметить, что в русском языке слова «кормить» и «править» синонимичны, отсюда «стол» и «престол», а также «кормчий», который не только хорошо правит лодкой, но и кормит, ибо лучше других знает, где найти рыбу или зверя.

Расширение концептуального видения проблемы «Русской власти», как полагают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, может привести к превращению специфических российских констант в переменные. В связи с этим они отмечают, что в «Русской системе», в полном согласии с магистральной традицией русской политической истории, фокусируют внимание на решениях и действиях представителей верховной власти («царей–генсеков–президентов» и их ближайших советников), оправдывая свой подход метафизической моносубъектностью «Русской власти». В нашей концепции «расширения российской субъектности», подчеркивают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, «выступают на сцену не только группы держателей ресурсов, но и низовые слои, от сознания и поведения (субъектности!) которых многое зависит».

¹⁶ Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Политические исследования. 2007. № 3. С. 8–23.

¹⁷ Кондратьева Т.С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Пер. с фр. – М., 2009. С. 8–9.

В.А. Дубовцев и Н.С. Розов критикуют Ю.С.Пивоварова и А.И.Фурсова за то, что в их «Русской системе» почти все социальные слои и группы в России движимы инстинктом восстановления «русской власти», тогда как акторы, против нее выступающие (бояре, верховники, декабристы, кадеты, диссиденты), безжалостно выбрасываются на свалку истории. Если же отступить от «метафизики» и опереться на принципы социально-исторической динамики, то, по мнению В.А. Дубовцева и Н.С. Розова, приверженность тех или иных групп и слов «русской системе» (читай: монополизации власти, принуждению и насилию, «сильной руке», «вертикали власти», подавлению любой оппозиции и пр.) «должна пониматься как зависимая величина, на которую влияют некие опять же меняющиеся факторы. Тем самым открываются возможности целого спектра социологических, сравнительно-исторических и сравнительно-политологических исследований».

Могущество и устойчивость «русской власти» напрямую зависят от поддержки ее разными группами населения, в том числе и от ее легитимации историками и политологами. Однако поддержка и легитимация – не единственно возможная реакция на «русскую власть»; последняя отнюдь не вечна. «Русская власть» – это вполне «реальная историческая субстанция, и ныне, – подчеркивают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, – мы вновь вкушаем ее плоды. Следует признать потрясающую живучесть данного феномена, его способность возрождаться и набирать силу. Однако разве не может (и не должен!) наметившийся „метафизический“ пиетет перед этим идолом-мутантом, – вопрошают авторы, – смениться концептуализацией, критическим обсуждением, выдвиганием и проверкой гипотез, широкими сравнительными исследованиями – и все это ради получения ответа на вопрос: при каких условиях „русская власть“ сменится в России на нечто более приемлемое?».

В связи с бурным обсуждением концепции «Русской системы», предложенной Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым, необходимо высказать несколько суждений по поводу системы русской власти и ее фатального характера. Нам представляется, что «Русская система» – это не столько концепция социального порядка в русском обществе, как пишут ее авторы, а концепция российской государственности как государственно-организованного общества. Специфика российской государственности определяется не столько формальными институтами государственной власти (хотя здесь тоже есть своя специфика), сколько неформальными, которые задают, с одной стороны, модели взаимодействия государства и общества (патернализм), государства и человека (этатизм), государства и природной среды (экстенсивизм), государства и окружающего мира (мессианизм), а с другой – модели поведения «власть предержащих» (насилие и мобилизация), «подданных-бессубъектников» (терпение и легитимация) и «лишних людей-диссидентов» (юрродство и безнадежность).

Что же касается вопроса о фатальной обреченности России на «Русскую систему» и «Русскую власть», то полагаю, что при решении этого вопроса сле-

дует опереться на новые методологические подходы, прежде всего в рамках неоклассической модели научного познания. Один из таких подходов связан с идеей нелинейного времени, позволяющей по-новому интерпретировать отношения между старым и новым. В соответствии с этой идеей, прошлое, настоящее и будущее, разворачиваясь в действиях людей, являются не последовательными, а одновременными состояниями.

Пример реализации такого подхода предложил немецкий историк Р. Козеллек, изучавший «время истории» через отношения между прошлым и будущим (или, в антропологических терминах, между опытом и ожиданием). В частности он пишет: «Опыт и ожидание – это две категории, которые, переплетая прошлое и будущее, вполне подходят для того, чтобы работать над историческим временем». Конкретная история реализуется на пересечении определенного опыта и определенного ожидания. Но эти понятия «обнаруживаются не только в процессе осуществления конкретной истории, в той мере, в какой они помогают ей двигаться вперед. В качестве категорий они также дают для нашего познания истории формальные дефиниции, которые позволяют расшифровывать это осуществление»¹⁸.

Новизна такого подхода заключается в том, что ученый сознательно направляет свое исследование на тяжбу или зазор между «полем опыта» и «горизонтом ожидания», индивидуальным или коллективным, при этом ясно понимая, что реализация проектов будущего обновляет смысл внутреннего опыта героев его повествования и тем самым определяет содержание их настоящего. Иначе говоря, современность, изученная ученым без учета прошлого, реактуализованного в настоящем благодаря новому видению будущего, теряет свою полноту, рассыпается на единичные явления и вещи. Если ученый стремится реконструировать эту полноту, он должен маневрировать так, «чтобы не подвергать себя двустороннему риску тирании наследия и свободы преобразования (или их сиюминутной детерминации)»¹⁹.

¹⁸ Koselleck R. *Le futur passe. Contribution a la semantique des temps historiques* / Trad. J. Hoock. M. C Hoock. Paris: EHESS, 1990. P. 310–311.

¹⁹ Lepetit B. *Le present de l'histoire // Les formes de l'experience. line autre histoire sociale*. Paris: Albin Michel, 1995. P. 290.